





Екатерина Звонцова

ТЕОРИЯ  
БЕСКОНЕЧНЫХ  
ОБЕЗЪЕМ

POPCORN BOOKS

*Москва*

УДК 821.161.1-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44  
342

ТЕОРИЯ БЕСКОНЕЧНЫХ ОБЕЗЬЯН  
Екатерина Звонцова

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

**Звонцова, Екатерина.**

342 Теория бесконечных обезьян : [роман] / Екатерина Звонцова. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-6046532-8-9

Неожиданная гибель писательницы Варвары Перовой оставляет глубокую рану в душе любивших ее людей — редактора Павла, коллеги по перу Джуда и читателя, следователя Дмитрия. Каждый из них по-своему справляется с потерей: один пытается собрать воедино дорогие воспоминания, второй бросает вызов окутывающим Варины книги загадкам, а третий ищет ее убийцу. Миры этих людей почти не пересекаются, однако случившееся заставляет каждого переосмыслить собственную жизнь.

УДК 821.161.1-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

© Екатерина Звонцова, 2021

© Lorenzo Conti, иллюстрация на обложке, 2021

© Издание, оформление.

ISBN 978-5-6046532-8-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2025. Popcorn Books®

*Никто из персонажей этой книги не живет  
и никогда не жил в нашем мире и не ходил с нами  
по одним улицам. Любые совпадения с реальными людьми  
и пересечения событий/судеб случайны.*



## ПРОЛОГ

Варя лежит — мертвая на бензиновой радуге асфальта. С изломанными руками и ногами, с липким красным ореолом вокруг головы. Ветер пахнет железом — из-за ее крови. Из-за крови, не из-за металлических же взглядов молодого следователя и его помощника, рассматривающих тело. Следовательно ведь?.. Оба в гражданском, но глаза эти, глаза — Варя такие зовет офицерскими. Зовет и улыбается.

Звала. И улыбалась, задумчиво поднося к губам гладкую льняную прядь.

— Вы ей кто? — звучит низко, напряженно, из ниоткуда.

...Она любила людей в форме, у нее и в романах их было много. Все разные — старые и молодые, обоих полов, русские и иностранцы, без страха и упрека и оборотни. Где только эти ребята не служили, от Тулы до далеких астероидов. Варя вечно спрашивала: «Нет, правда, почему их всё меньше там, где заканчивается мягкий дачно-диван-

ный детектив? Почему всюду одни Башмачкины, Мастеры и Вертеры?» Я думал еще: «С тобой, Варь, точно ничего не случится». Казалось, невидимые менты всех мастей окружают ее плотным кольцом, закрывают щитами и грудью и не дадут в обиду. Но, видимо, проку от инфернальных книжных ментов не больше, чем от настоящих.

*Ну Паш, не ворчи.*

Варя не любит, когда я грешу на людей в погонах. Варя не любила. Прошедшее время, оно отныне будет везде, потому что эти самые люди ее не защитили. И теперь Варя лежит с красным нимбом, расплзающимся по бензиновой радуге.

— Вы ей кем приходитесь? — спрашивают настойчивее, после недолгого угрожающего кашля.

Темноволосый бледный следователь с точеным инквизиторским лицом, наверное, курит как три дореволюционных паровоза. Варины менты тоже курят. А ну как закурит прямо здесь, на месте так называемого... нет, не преступления пока, только неумолимо обращающегося в него происшествия. Что, казалось бы, такого? Многоэтажка, длинная, как коробка каминных спичек. Открытое окошко, занавесочки качаются на четвертом всего-то этаже — белые, кружевные, старушечьи. Упавшая девушка — худенькая, беленькая, без кольца на безымянном, без детей и пса, без несчастной любви за плечами. Варя. Моя.

— Гражданин! Я к вам обращаюсь.

Официально, почти по-советски, голос — «рык породистого Барбоса, который вроде и с цепи сорвался, а вроде помнит, что хозяин — академик и надо марку держать».

Цитата из Вариного авантюрного детектива «Не только стулья», пятой по счету изданной книги. Вот так описывается тамошний следователь — глазами авантюриста-цыгана, с которым они потом сплутаются, будут друзья не разлей вода и уже вместе раскроют подпольный синдикат охотников за дореволюционными сокровищами. Ненавижу ментов. И цыган. Всех ненавижу сейчас, хотя час назад вполне сосуществовали, полвека почти сосуществовали в другой реальности, ныне разбитой. Реальности ведь не выдерживают смерти, как керамическая посуда не выдерживает хлестких и злых поцелуев с кафелем. Вечно остаются трещины, слезы, разводы чая, крови, мозгов... сколько теперь трещин в Варином черепе? Лицо-то... цело почти, как живое, белое и святое.

— Дим...

По-домашнему обратились, никаких «товарищей капитанов» или кто там этот чернявый? Хотя глаза у белобрысого заполошенного помощника тоже офицерские — не серые, а зеленые, нагло-кошачьи, и все равно... такие. Видишь, Варь? Варь, ты про них напишешь? Смотри, какие типажи для чего-то с замахом на полумифическую «боллитру». Ты же давно хотела опять туда, Варя, ты ударилась в фэнтези в последний год. В этот, как его зовут, «спасительный эскапизм». От кого ты бежала? Хотя ты не бежала. Как ты говорила тому фейсбучному\* законодателю моды на актуальность? «Если, чтобы найти в книге злобу дня, вам непременно нужны блогер, травма детства и Петербург Достоевского, то у меня для

---

\* Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

вас плохие новости»? А он потом углядел вожделенную свою актуальность в твоей космической притче о Марсе и номинировал тебя на НОС. Смешно, да?

Варя лежит. Варя не улыбается. Нимб все натекает, натекает, неумолимо ржавея...

— Дим, он ж не в себе, смотри. Ща нам тут сблеванет. Убирай его отсюда.

Они переглядываются — как те, кто давно бок о бок. Давно и тесно настолько, что не надо ни «субординацию потерял?», ни «сам вижу», ни «иди лучше показания сними, вон, смотри, консержка мнетя; у нее маразм, скоро точно все забудет». Парень идет молча — к кольцу любопытных глаз и глоток, к ухоженной старушке в красном платье, в каком скорее в Большой на «Щелкунчика», чем дежурить у лифта. Это из-за нее — сразу менты. Она девицу, пришедшую «к подружке», в подъезд впустила, потом только спохватилась, что девица «странноватая, дерганая, глазами все шныр-шныр». Зачем тогда впустила? И как потом проворонила? Никого ведь не нашли, только открытое окно.

Варя спиной вперед падала. Она сама бы так не стала убиваться, она и голову почти не поднимала: ни в глаза людям не глядела на презентациях, ни в небо, если гуляла. Говорила, что небо большое, давит, особенно весной — когда серое, звенящее, ошалелое от бегущих в увольнительную туч и летящих домой птиц. Как сейчас. Варя бы упала, упрямо глядя не в штормовые эти чудовищные облака, а в землю. Не лежала бы теперь так кинематографично, нуарно и бу-тафорски.

Варя бы...

Варя вообще бы не упала.

Она не стала бы собирать толпу: вдруг бабушки, дети, беременные, слабосердечные? Она не стала бы даже смердеть своим разлагающимся телом в квартире: у нее соседи хорошие. Она их любит, даже тех, этажом выше, которые недавно родили; она и орущего младенца, не дающего ей нормально работать, любит. Варя пришла бы в парк — в тот глухой уголок за пончиковой, где морг рядышком, через ограду, — и интеллигентно пустила бы пулю себе в висок, из собственного пистолета. У нее же был от отца, незаконно, зато настоящий: «Это, Паш, моя мечта детства, вот и прячу». Странные бывают мечты: у кого котенок, у кого легонький легендарный «Скиф» из 90-х. Так что все бы сделала тихо, но прозрачно. Чтобы ни работы таким вот «железным» мальчикам, ни душевных травм утренним бегунам, ни лишней транспортной возни сотрудникам единственного в Шуйском трупохранилища.

Варю убили. Я знаю.

Следователь смотрит по-человечески и говорит почему-то тоже беззлобно. Будто из болота меня вытягивая или спасая от неумолимого неуда, подсказывает:

— Вы ее муж? — Он щурится; ну и тенищи под глазами, неужели впрямь работа — волк? Самостоятельно решив, что я не муж, староват, он уточняет: — Брат? Отец?..

Губы облизываю, а они как стекло: обветрились, и я их искусал. Следователь устало ждет. «Дима» — так его зовет тот, на побегушках? Не похож на Диму, а вот на товарища капитана — да. Варь, смотри. Варь, поговори с ним. Он же

из этой вот породы «вдохновляющих», про которых загадочные записи в дневниках и которым такие же загадочные посвящения вместо эпитафий. Варя, а ты не вела дневник, только инстаграм\*, а в эпитафиях у тебя были Шекспир, Чехов, Набоков, а еще иногда Блейк. Никаких посвящений; никакой этой, как ты выражалась, персональной пошлости. Я ведь помню твоё «Это как для учителя завести любимчика, фу». Ты так обижалась, Варя: тебе-то книг не посвящали. И злилась: тебе некому было быть обязанной за вдохновение, кроме себя. Ты сама призналась, когда мы твою первую издавали, помнишь, и редактор предложила добавить благодарности? Ты сказала: «Нет» — как отрезала. И потом перед каждым прологом метко, зло стреляла стихами и прозой.

«Tyger, Tyger, burning bright»\*\*.

«Но что для них ваш зов, милорд?..»\*\*\*

«Ich sterbe»\*\*\*\*. Это я особенно помню.

— Вы случайно не соседи?.. — Следовательно все тянет, тянет меня из болота оцепенения за седеющие мюнхгаузенские патлы. — Вы...

— Я ее редактор, — произношу чужими стеклянными губами, наверное невнятно, и повторяю зачем-то по слогам, как ребенку: — Ре-дак-тор. — Слегка взмахиваю почтенным,

---

\* Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

\*\* «Тигр». У. Блэйк, 1794.

\*\*\* «Генрих IV». У. Шекспир, 1597. Цитируется в переводе Е. Звонцовой.

\*\*\*\* «Я умираю» (нем.). Одна из последних фраз, сказанных на смертном одре А.П. Чеховым. Источник: Игорь Клех. «Чехов: Ich sterbe. Версия». Опубликовано в журнале «Знамя», № 2, 2003.

двадцати пяти лет от роду портфелем: коричневая кожа, квадратная застежка, никаких лейблов на виду. — Договор привез. И вот...

Сотрудник органов — настоящий, не из Вариных книг, где менты иногда Шопенгауэра цитируют, — интересно, вообще может знать, что за зверь редактор? Или это для него как риэлтор, репетитор или аж редуктор — не человек, но механизм? Или...

— Так она писала книги?

Я киваю. Мне неожиданно легче, будто после укола обезболивающего; легче ровно на секунду, а потом снова — взгляд вниз. Бензин, красный нимб, волосы светлые, слипшиеся... очки. Очки в стороне валяются, разбился только правый из круглых, как у Счастливого Выжившего Мальчика, окуляров, левый цел, но тоже в крови.

— Да, если вдруг вам о чем-то говорит псевдоним такой — Ванилла Калиостро...

— Говорит, даже очень. Странно, правда?

Расстроенным голосом — первое. А вот второй фразой он меня пытается уязвить — мирно, замученно, как бы давая понять: мало у него этих трупов, «висяков», чтоб еще умники умничали, взирая на него с вершин своей гражданской эрудиции.

— Читали, что ли? — Почти выходит тон поровнее, любопытнее.

— Читал. — Стальная боль в двух слогах. — И очень нравилось.

— А я эти книги издавал.

А еще я... нет. Не сейчас. Не могу.

— Ладно... — Слова будто мимо него проскальзывают, гордая голова уже занята другим. — Будем разбираться. Картина понятная: что-то тут не то, это она едва ли сама прыгнула.

Он тоже глядит на очки, вроде хочет шагнуть и подобрать их, но в последний момент останавливается. Подбородком поводит — на лохматого помощника, на старушку в красном. Ткань платья консьержки — как гробовая подкладка и как Варин кровавый нимб. Переносицу «Дима» так потирает, будто ему цвет режет глаза. А потом опять — серый взор на меня в упор. Тоже пытается смягчиться, тоже выходит плохо.

— Вам не стоит здесь находиться, скоро опер придет и будет орать. — Вздох. — Да и вас... правда, будто вырвет сейчас. Это лишнее.

— Нечем, не беспокойтесь.

Нечем блевать, кроме любви. И, сглатывая даже ее, гноющуюся, ворочающуюся между горлом и грудью, я поскорее произношу:

— Я звонил Варваре Петровне Перовой утром — она была спокойна, в хорошем настроении. Мы договорились вместе у нее пообедать, и вот я приехал. Не поднимался. В магазин даже не успел зайти, он у нее там... — Машу зачем-то на совкового пошиба гастроном с синей врущей вывеской «Вся на свете еда». Не вся, даже помидоров нормальных обычно нет, Варя их на рынке брала — большие, «бычье сердце». — Это все, что сразу в голову приходит, не для протокола. Остальное, что понадобится, готов...

— Вас пока не опрашивают. Тем более не допрашивают. Следствию, что ли, помогать рветесь? — Вскидывается одна

широкая, с геометрическим изломом бровь. — Начитались ее книг? Там часто нам помогают? Чаше, чем морды пытаются бить и жалобы писать?

Желчно. Устало. Может, еще митинги помянет и провокации? Всяких там молоденьких борцов с системой, плакаты, камни, крики и прочие проблемы коллег? И, конечно же, хештеги — хештеги вроде бы сейчас сильнее камней. Сложно его не понять. В большой государственной семье кризисы доверия — вещи обычно взаимные, как, впрочем, в семье любой.

— Вы же сказали, что сами читаете. — Стараюсь улыбнуться, чтобы не нагнетать.

Вместо честного: «Да любил, вот и рвусь». С ним так не надо, ему, вероятно, плевать, с ним лучше по-деловому. Любовь станет важной уликой, только когда добавится к материалам следствия, а пока под эти материалы даже папки нет. Будет ли?

— Читал. — Он кивает. — Фэнтези, фантастику. А вот коллег и так каждый день вижу. — Усмехается. — И не сомневаюсь почему-то, что убитая... Калиостро... всех настоящими выписала, до тошноты, она умеет. Так что сыт. Оставил на потом.

Молчу. Что сказать? Сам не стал бы читать про редакторов, хватает рожи в зеркале — квадратной, будто вытесанной прилежным учеником скульптора, по всем клише: тонкие губы, «мужественный» подбородок и «римский» нос. Даже щеки пока по-бульдожьки не обвисли, а вот седина... больше, больше. Я древнеримский штамп. Варя так и дразнила.

— Так что... мы у нее на себя похожи? — спрашивает за чем-то «Дима».

Вместо того чтобы проводить пресловутые «следственные мероприятия». Вместо того чтобы хоть с Варькой сделать что-то. Забрать в морг. Укрыть... она в халате ведь, просто в халате, бежевом, прокуренном, кофе пропахшем. Запах этот вместе с запахом железа, в ветре. А на дворе холодно. Укрыть... ах да, еще же осмотреть, наверное. Все эти «смерть наступила в...», «смерть наступила от...». Это мне достаточно, что смерть просто наступила, на меня наступила колоссовой, заскорузлой, серой, как весеннее небо, лапой.

— Вполне, — почти сплевываю это и делаю осторожный шаг назад. И еще. Еще.

— Правильно. — Он выдыхает, будто бы с облегчением. — Пока вы только мешаете. Как вас?.. Где вы?..

Рубленные вопросы, глаголы высланы за сто первый, но мне не привыкать: многие авторы тоже излишне жалуют пресловутый лаконизм. «Проще» — модно, «без завитушек» — стильно, а «парцелляция» — мировой бренд. Чехов, давно и безнадежно *verstorben* Чехов, заявил сдуру, что краткость — сестра таланта; подзабыл, правда, другую его родственницу — понятность, вечно затаптываемую в кровавую лепешку. Впрочем, следователь понятность не затаптал, а наоборот, высоко поднял за шиворот благодаря новому, строгому, даже канцелярскому какому-то тону.

— Меня зовут Павел Викторович Черкасов. Возглавляю редакцию художественной литературы в издательстве «Аргус Паноптес», проще всего застать меня в офисе. Номер корпоративного телефона...

— Загуглим, — на молодежном (для его подкрадывающихся тридцати в самый раз) сленге, чуть потеплее и помягче, уверяет меня «Дима». — Если будет нужно.

Может и не быть. Если менты в книжках у тебя, Варь, ненастоящие и бросят все к чертовой матери уже завтра. Они же тебя не защитили, понимаешь? Не защитили, мрази. А эти — живые — разве будут искать «девицу с глазами шныр-шныр»? Будут? У них отчетность, статистика раскрываемости. У них маленький городок, мало оперативников и сучливое начальство. У них...

— Павел!

Окликает, когда я уже иду к гомонящей толпе сочувствующих горю и сочащихся любопытством, к красному платью консьержки, к белым вихрам безымянного следователя-помощника. Оборачиваюсь. «Дима» все-таки закурил на месте... преступления. Закурил, но киношным не стал — наоборот, бледно-серым и сгорбленным, как-то младше и понятнее.

— Дело обязательно будет возбуждено. Мы попытаемся наказать виновного. И... мне жаль.

Варь, они и у тебя так говорят иногда — высокопарно немного, наивно, с категорическими императивами вроде «обязательно», правда, без осторожного этого, на носочках ступающего в пакостную уголовную рутину «попытаемся». Варь, хочется верить. Верить, что ты не зря была их литературной *patron saint*.

У них, наверное, совесть; у этого — точно. А еще он, скорее всего, любит твоего смертельно больного и столь же смертельно благородного Огдена, Опалового рыцаря из

«Голодных вершин». Того типа, который путешествует по Миру Пустых Мостов и защищает выживших после Крушения жителей, а в конце обращается в изваяние и сквозь него прорастают эдельвейсы. Первые за много веков цветы на планете, которую заполонили разумные, пожирающие людей и источающие ядовитый газ горы.

Да, у «Димы» — совесть.

А у меня — только огромная дыра в груди вместо тебя, Варь.

## ВРЕМЯ НАЗАД. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

В его мире небо такое огромное и синее, что тонет в море, как иногда одна грань сапфира незримо сливается с другой. В ее мире небо забыло свой цвет и спряталось — за каменными коробками гребоэтажек и торчащими из них сутулыми скелетами антенн.

Его мир поет шумом прибоя и протяжными чаячьими криками: «Вперед!», «Всегда!», «Свободу!» Ее мир полнится визгливыми жалобами машин, вечно застревающих в пробках: «За что?..», «Когда?..», «Зачем?..»

Его мир пахнет солью и солнцем, греющим тысячи цветущих трав и вековых камней. В ее мире кислый запах кофе по цене поездки в метро не отличить от кислого же запаха кофе по цене коробки «Рафаэлло».

В его мире люди не падают с неба на палубы спящих кораблей. В ее мире есть сказка о Стране Чудес, где, провалившись в кроличью нору, можно упасть куда угодно.

В его мире девушки боятся своей тени, косых взглядов и городов, где живут, — носят закрытые платья, прячут глаза и идут под венец не по любви. В ее мире девушки фехтуют, гуляют по потемкам до рассвета и знают больше тайных дорог, чем лучшие следопыты и воры, а иногда сами пишут эти дороги себе и другим. Кто-то — меткими стройными текстами в книгах и блогах; кто-то — движущимися по экранам образами; кто-то — тысячами символов, превращающих выверенные коды в магические порталы.

В его мире он всегда был в толпе — но один. В ее мире она всегда была в толпе — но одна. Сейчас они вместе. У их «вместе» вкус бриза и лунного отражения.

— А-ли-са, — по слогам, медленно, потом быстрее и увереннее: — Алиса! Да?

— Да, правильно. Быстро выучил...

Под ногами плещется сонная вода, вдали темнеет архипелаг. Они широко раскинулись, эти острова, так широко и так плывут в тумане, что облепленные светлячками скалы и руины дворцов похожи на обычные московские новостройки. Можно представлять, что каждый светляк — окно, за каждым окном — семья, а в каждой семье — что-то интересное: новорожденный с разноцветными глазами, крокодилчик-питомец в аквариуме, папа-балерун из Большого театра. Так нравилось воображать в детстве, пока соседка не объяснила все на их собственной гробозатжке: мол, вон за тем окном алкашня, чья дочь в детдоме; за тем — одинокая бухгалтерша бьет сумасшедшую мать, которой мерещатся черти; а за тем две недели назад котят утопили в розовой детской ванночке, шестерых, некуда было деть.